

ВСТРЕЧА началась с того, что Даниил Александрович Гранин сказал:

— Я — противник интервью. Все, что хочет сказать писатель, он говорит в своих книгах.

С этим нельзя было не согласиться. Произведения последних лет — «Примечания к путеводителю», «Совсем о другом», «Прекрасная Ута», «Сад камней» — были написаны по материалам дальних поездок, но путешествия стали лишь предлогом для «разговора о разном». Автор искренне и откровенно говорил, о чем он думал: чаще всего — от своего лица, а не от лица героя.

...В огромном соборе лежала чугунная доска с надписью «Иоганн Себастьян Бах». Звучал орган — тот самый, на котором более двух веков тому назад в течение 27 лет изо дня в день играл композитор. Был он тогда нищ и непризнан.

Точные детали, найденные автором, создали живописное полотно. Но писатель не успокаивался на этом, а вел дальше — от картины, нарисованной им, к раздумьям, к вечным вопросам: для чего и как живет человек? Что после него останется людям, земле, миру? Гранин размышлял, вовлекая в этот процесс читателя, поверяя ему свои сомнения, убеждения, знания. Свою радость и боль.

В соборе звучала музыка, намного пережившая ее творца. Она приводила к мыслям о том, что такое талант. В рассказе о великом композиторе ответа не было. Но вопрос, однажды возникнув, повторялся, требовал ясности. И ответ пришел, только уже в другом рассказе — о Ван Гоге.

«Надо немного иначе увидеть мир», — написал Гранин. «Нет, мало увидеть по-иному», — размышлял дальше писатель. «Надо передать то чувство, которое живет в самом художнике, его отношение к увиденному». «И еще: тридцать семь раз, как Хемингуэй, уметь обнаружить в сделанном не совершенное и переделывать, улучшать, оттачивать».

Так постепенно от рассказа к рассказу высветились грани одного явления — таланта. Как в фугах Баха: повторяясь, но с каждым кругом поднимаясь все выше и выше, раскрываясь тема долготлетия в искусстве.

И многие другие темы. Войны и мира. Бедности и богатства. Труда. Власти. Науки.

Гранин всегда много писал о людях науки. Мне видится здесь память о первой, предписательской профессии Гранина. Впрочем, не этим объясняется его интерес к ученым. Дело здесь в другом.

ВСТРЕЧИ БЕЗ ИНТЕРВЬЮ

ЧЕРТЫ ВРЕМЕНИ

— В наше время великие люди науки помогают формулировать нравственные идеалы. Реальные личности, такие, как Гагарин, Вавилов, Курчатов, Циолковский, Бор, Кюри, становятся мерилем нравственных ценностей. Они помогают создавать критерии служения истине. Они создают высоту, с которой иначе оценивается слава, благополучие...

Так говорил Гранин на симпозиуме, посвященном творчеству и научному прогрессу. Очень интересно сказал тогда писатель и о самой науке, которая раздвинула границы воображения.

Это говорилось несколько лет тому назад, но теперь, как и прежде, Гранин увлечен наукой и теми, кто в ней работает.

— Я написал повесть о Василии Петрове «Размышления перед портретом, которого нет». Хотел бы написать о Якоби, Штернберге, Кеплере, Петре Николаевиче Лебедеве — словом, создать целую галерею книг об ученых.

тверждает это жизнью Араго. Занятия наукой нравственны. Они требуют бескорыстия, честности. И что очень важно — твердости и непреклонности. Вот, например, одна поучительная история, которая произошла с Наполеоном.

— Никто из историков не мог ответить на вопрос, почему Наполеон, собиравшийся в Америку, так и не поехал туда. Была ведь такая возможность. Я объяснил этот факт, сопоставив жизни Араго и Наполеона, и считаю это своим маленьким открытием, — сказал Гранин.

Наполеон предложил Араго ехать с ним. После своих поражений он хотел

начать новую жизнь, считая, что может быть не только блестящим полководцем, но и не менее блестящим ученым. Ученый отклонил более чем лестное предложение. Он отказался самому Наполеону, потому что предпочел заниматься скромным, но своим делом. Он, как пишет в повести Гранин, «осуществлял себя», оставался самим собой.

О верности себе писал Гранин и в другой книге — «Сад камней». Человеку нужно время от времени переосмысливать свою жизнь. Поэтому не случайно не раз проходят перед героями, сначала не задевая, потом чуть касаясь и, наконец, проникая, стихи:

Сядьте и побеседуйте
с Садом камней,
В огромном мире,
как отдаленные точки,
Затеряны островки
с благоухающими
вершинами,
Напоминая нам
бескрайнюю вселенную,
И наши сердца очищаются
от скверны...

Удивительным было умение Гранина открывать новое там, где, казалось бы, все давным-давно открыто.

Мне вспомнилась статья «Два лика» — о «Медном всаднике». Десятки специалистов, историков литературы, поэтов писали о самой петербургской поэме Пушкина, но авторитеты предшественников не помешали писателю прочесть пушкинские строки по-своему.

Так было и с «Садом камней». Многие до Гранина писали о Японии. Он сделал это по-иному.

— При анализе сложных явлений, — сказал Гранин, — обычно появляется несколько точек зрения, которые сталкиваются между собой, и в защиту каждой находят «всекие» аргументы. Возникает внутренний спор. Когда я стал писать «Сад камней», то «раздал» эти точки зрения двум героям — физику и литератору, рационалисту и человеку поэтического склада. Герои отличались биографиями, образом мышления, но они не были антиподами — это было бы слишком упрощенно. Ни один не побеждал другого. У каждого были свои сильные и слабые стороны. Да и я, автор, не выступал как верховный судья, а пытался доказать правоту обоих. И через них, через различие их восприятий добиться более объемного изображения Японии, Сада камней.

Гранин, известный как романист, в последние годы много работал в жанре эссе.

— Чем привлекает вас этот жанр?

— Он позволяет избавиться от сочинительства. Дает возможность для отступлений, воспоминаний, споров.

— Но разве эссе с его документальной точностью не сковывает писательскую фантазию?

— У этого жанра есть свои недостатки, как, впрочем, и у каждого другого жанра. Он создает и свои трудности — есть опасность свести все к обычным путевым очеркам. Но я считаю, что для писателя, который долгое время был стеснен сюжетом, законами романа, повести, время от времени просто необходимо выговориться свободно...

Галина СИЛИНА,

собственный корреспондент

«Литературной газеты»

ЛЕНИНГРАД

Лит. газ. 1971, 29 сент.